

The background of the cover is a grayscale illustration of a vast, open landscape, possibly a snowy field or a wide plain, with faint, horizontal lines suggesting a horizon or distant hills. On the left side, a dark silhouette of a person stands looking down. On the right side, a dark silhouette of a person in a dress is captured in a dynamic, jumping or dancing pose, with their hair and dress flowing. The overall mood is contemplative and evocative.

Екатерина Каретникова

Белая сорока

Ладожские тени

Повести

Екатерина Алексеевна Каретникова

Белая сорока. Ладожские тени

Серия «Время – юность!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64848341

Белая сорока : повесть ; Ладожские тени : повесть / Екатерина

Алексеевна Каретникова: «Время»; Москва; 2021

ISBN 9785969120952

Аннотация

«Все сложно» – статус в соцсетях у многих, и Лиза Сорокина из повести «Белая сорока» не исключение. Его пишут почти бездумно, не пытаясь понять, что именно «все». А это самое сложное. Взрослеть. Понимать. Любить. Когда голова не успевает за внезапно изменившимся миром. И телом. И ты начинаешь себя ненавидеть. За то, что не такая, как все. Белая, но даже не ворона. Сорока.

Алина и Талька из повести «Ладожские тени» не похожи друг на друга: одна живет в 2019 году, другая в 1997-м. У Алины есть ее рассказы, занятия в ЛИТО, понимающие родители, экспрессивные подружки. У Тальки – хорошая компания, взрослые защитники и множество хлопот. Обеим непонятно, как жить дальше, потому что Тим уехал в другой город, а Залевский собрался жениться. Обеим придется найти выход, который, возможно, свяжет разных людей и разные времена.

Содержание

Белая сорока. Повесть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Каретникова
Белая сорока.
Ладожские тени

Художественное электронное издание

Иллюстрации Ирина Капралова

© Каретникова Е. А., 2021

© «Время», 2021

Белая сорока. Повесть

Нельзя было оставлять все как есть. Да, в этом проклятом троллейбусе не срабатывал мобильник, но Лиза могла постучать водителю, чтобы открыл двери и выпустил ее, а потом, проглотив бьющийся в горле страх, позвонить по всем известным с детства номерам. А если бы не ответили (вдруг?) – закричать так, чтобы услышали прохожие и жильцы ближайшего дома. И те – у нее никак не поворачивался язык, чтобы их назвать. Они тоже должны были услышать и пусть не испугаться, но хотя бы понять, что тут не одни.

Но Лиза ничего такого не сделала. Не встала, не постучала

водителю и даже не вынула из кармана мобильник. Закусила губу, крепче сжала кулаки, и все.

Ее будто парализовало, будто пришло намертво к троллейбусному креслу.

Троллейбус проехал еще немного вдоль пустыря и повернул. Теперь через окно Лиза видела серые дома в четыре этажа. Они казались неправильными, словно им отрезали верхушки.

Лиза смотрела на дома, на аккуратно подстриженные яблони, на выщербленный асфальт и лужи, а видела его лицо – искаженное, бледное, но все равно такое, от которого можно сойти с ума.

Наверное, она и сошла с ума, и не сейчас, а когда в первый раз увидела Руслана. А может, когда узнала про Алю или только что, когда сдала его с потрохами этим, назвать которых не поворачивался язык. Ведь сдала же, сдала. А потом струсила, непростительно и подло.

Лиза встала и пошла к дверям. Она не предательница. Сейчас она выйдет на остановке и придумает, как прекратить эту жуткую жуть.

Троллейбус рывком прибавил скорость. Лизу качнуло, она взмахнула руками и в последний момент успела схватиться за поручень. Поручень оказался странный – тоньше обычного и пошатывался, и все-таки он не позволил ей упасть, а это было главное.

– Девушка, вам удобно?

Голос прозвучал из-за спины. Говоривший сидел так близко, что Лиза почувствовала его дыхание у себя на шее. Она вздрогнула и обернулась.

Этого просто не могло быть!

Конечно, это был не Руслан, а слегка похожий парень года на два старше, но все равно у Лизы вспотела макушка и по спине побежали мурашки.

– У-добно! – заикаясь, ответила она.

– Тогда ладно, – кивнул парень. – Для красивой девушки чего не сделаешь.

Она непонимающе похлопала глазами, но вдруг еще раз посмотрела на свой поручень и поняла. Никакой это был не поручень, а вовсе даже странная конструкция из реек, упакованная в картон и полиэтилен. Конструкция стояла около парня, а он придерживал ее рукой, не давая упасть, и при этом читал электронную книжку. Книжка была интересная, потому что, даже разговаривая с Лизой, парень косился на экран.

Когда Лиза это рассмотрела, ей захотелось провалиться. Вот прямо тут, сквозь грязный троллейбусный пол. Но пол расступаться не собирался – шатался и подпрыгивал под ногами в такт движению, и все.

– П-ростите! – пробормотала она.

– Никогда не проси прощения у парней, – прошептал он громко. – Мы этого не заслуживаем.

У Лизы закружилась голова. Она подумала, что зря отпу-

стила поручень, пусть и ненастоящий. Он бы ей сейчас пригодился, очень даже.

– Тогда не прощайте! – пробормотала она и отвернулась.

– Вы всегда слушаетесь первых встречных?

Вопрос был брошен ей в спину, вкрадчивый и насмешливый. Хочешь – поворачивайся и отвечай, не хочешь – стой бессловесной дурочкой.

Лиза решила, что ей наплевать: дурочка и дурочка. Не до того!

Троллейбус остановился как положено, но двери не открылись. Лиза уже спустилась на нижнюю ступеньку и теперь лихорадочно дергала железную ручку. Ручке было все равно – ее и не такие дергали. Двери все равно было тоже.

От злости Лиза стукнула кулаком по створке и взвыла от боли.

– Передние двери не открываются. Выходите через задние, – запоздало объявил водитель.

– Спасибо! – прошипела Лиза. – Спасибо, что предупредили!

И побежала к задним дверям.

Пока она бежала, водитель покашлял в микрофон, а потом включил равнодушно-бодрое: «Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка...» И в самом деле двери закрыл.

– Вы что? – закричала Лиза и стукнула теперь уже заднюю дверь. – Издеваетесь?

Водитель не ответил, задняя дверь – тоже.

Троллейбус дернулся и поехал, набирая скорость.

Пока Лиза бегала туда-сюда и билась в двери, парень молчал, будто его и не было.

Когда она поняла, что все равно пропустила остановку, то повертела головой, выискивая его, и, понятное дело, нашла. Он смотрел на нее очень внимательно, как будто ему нужно было разгадать ребус, нарисованный на ее платье.

Наткнувшись на его взгляд, Лиза смутилась и обрадовалась одновременно, но через секунду поняла, что радоваться нечему. Толку-то от взглядов, если человек сидит и молчит, а ей выходить на следующей остановке! Разве она успеет хоть что-то объяснить, чтобы он согласился помочь?

Внезапно стало так тоскливо, что захотелось сделать что-нибудь странное. Например, подойти к нему и снова схватиться за импровизированный поручень. Или спросить, как его зовут. Или...

Лиза ничего не успела, он встал и подошел к ней сам. А может, вовсе не к ней, а к задним дверям, около которых она стояла.

– Выходите, девушка?

Вопрос прозвучал насмешливо, и она решила обидеться, правда, опять не успела.

– Хотите, я вас провожу?

И что ей было делать? Помотать головой и гордо отвернуться? Наверное, это было бы правильно, но она не смог-

ла. Слишком дорого пришлось бы заплатить за эту правильность.

– А вы хотите меня проводить? – спросила Лиза.

Он улыбнулся:

– А вы как считаете?

Она подумала, что он слишком умничает, когда так говорит. Лучше бы просто ответил да, и она бы согласилась. А так он вроде бы и предлагает, но в то же время насмехается. Или она слишком мнительная и он ничего обидного не делает? Пока Лиза соображала и никак не могла придумать, что ему сказать, он пришел на помощь.

– У вас еще есть время подумать. Мы переедем через мост и только потом остановимся.

– Как через мост? – похолодела она. – Через какой мост?

Сказать по правде, Лиза никогда не ездила на этом троллейбусе дальше своей остановки и поэтому знать не знала, что впереди река. Или нет там никакой реки, а мост – обычная эстакада?

– Самый длинный мост через реку в нашем городе, – ответил он. – Один километр двести метров.

Это был удар в солнечное сплетение, не меньше. Но Лиза все-таки еще держалась.

– А там что – река? – спросила светским тоном.

Он усмехнулся. От этого его лицо стало старше, ей даже показалось, что он наверняка окончил школу.

– А вы этого не знаете?

Лиза разозлилась:

– Я много чего не знаю. И что?

Усмешка превратилась в улыбку.

– Мне нравится, что вы в этом признаетесь. Но я не думал, что можно дожить до пятнадцати лет и не знать, что в твоём городе есть река.

– До пятнадцати, может, и нельзя, – через силу поморщилась она. – Но мне-то четырнадцать.

– А вот скажите, – его голос стал задумчивым, а взгляд неожиданно изменился, – неужели за все четырнадцать лет вы ни разу не гуляли по набережной? Не катались на катере?

Кажется, ее возраст его не отпугнул. На мгновение у Лизы появилась уверенность, что ему было бы все равно, даже если она бы сказала, что ей десять. Но это ей не понравилось, и она решила подумать о другом. Например, почему он спрашивает про набережную и катер? Хочет пригласить на прогулку? Вот пусть прямо сейчас с Лизой и идет! Только не по набережной и без катера.

– Не с кем было! – сообщила Лиза и покраснела.

Уж больно это прозвучало неловко.

Он понял, но сделал вид, что удивлен – и не больше.

– У вас нет подруг?

Лиза посмотрела на него и решила, что больше не хочет играть в этот словесный пинг-понг.

В голове у нее все равно стучал метроном, выговаривающий вместо ударов одно-единственное слово: «Поздно!»

Этот проклятый троллейбус увозил их все дальше и дальше. Вот как она вернется к пустырю? Как?

– У меня нет парня.

Он сразу поскуучнел и даже чуть-чуть отодвинулся. Честное слово – что она такое сказала? Разве он сам вел разговор не к этому? Просто она хотела ему помочь, чтобы успеть сказать самое важное до того, как троллейбус остановится. Чтоб он не сбежал. Ну или не остался внутри.

Сейчас их везли по совсем узкой дороге. Улица заросла желтыми акациями, и в некоторых местах ветки с подсохшими цветками прижимались к троллейбусным окнам и даже царапали их, роняя лепестки, будто крошки яичницы-глазуньи.

Она посмотрела в окно и вдруг замерла, охваченная непонятной болью. Боль пульсировала везде – в висках, в горле, в сердце и даже, кажется, под коленками. Это было так неожиданно и так остро, что на глазах выступили слезы, а слова застряли и превратились в невнятное крошево звуков.

– Что-то случилось? – спросил он и наклонился к ней.

Как доктор над пациенткой, честное слово!

Она качнула головой. То ли да, то ли нет – понимай как знаешь.

– Я могу помочь?

И вдруг боль отпустила, мгновенно, как и появилась. Она подумала, что такого не бывает и что ей все померещилось: и боль, и его участие, и внезапное исцеление.

Троллейбус подпрыгнул на колдобине и, утробно зарычав, въехал на мост. Мост и в самом деле был длинный, и в самом деле под ним текла река, широкая, медленная, истыканная воронками водоворотов. А еще из воды торчали камни. На одном, ослепительно-черном и гладком, она увидела птицу. Сначала ей показалось, что это чайка, но Лиза усомнилась, что бывают абсолютно белые чайки. К тому же ей никогда не встречались чайки с такими хвостами. У этой птицы хвост напоминал сложенный веер. Сейчас расправит его, обмахнется и превратится – в кого превратится странная птица, Лиза не успела придумать.

– Смотри! – сказал он. – Белая сорока!

Она сразу же поняла, что он прав. Конечно же, на камне сидела сорока-альбинос, а вовсе не чайка.

– Я думала, таких не бывает, – призналась Лиза.

– Бывают, – тихо ответил он. – Ты же есть.

Она не вскрикнула и не упала, просто захлебнулась на вздохе и подумала, что в троллейбусе кончился воздух. Вот так был – и вдруг кончился, будто выкачанный гигантским насосом.

Если бы он ее ударил, было бы лучше, но он не ударил. Он напомнил ей о том, о чем вспоминать было не просто больно – невыносимо, особенно сейчас, когда она знала, чем все закончится. Ну почти знала.

Глава первая. Как в больнице

Город встретил ее не дождем – моросью, густой, сизой, мерзлой. Или это просто Лиза промерзла до костей, и теперь пограничной со льдом ей показалась бы любая вода. Даже такая – висящая в воздухе мелкими каплями, напоминавшая то ли слезы, то ли холодный пот.

Пришлось накинуть капюшон и втянуть ладони в рукава куртки. Это получилось легко. Ладони у Лизы были узкие, а рукава – нестандартной и длины, и ширины – со стратегическим запасом.

Но даже спрятав под куртку все, что получилось, Лиза ежилась от ветра и нового для нее, пропитанного влагой на-

сквозь воздуха.

До троллейбусной остановки она дошла спокойно. Триста метров от вокзала по прямой – посмотрела бы Лиза на того, кто не дошел бы. А там ее уже ждали – все по-честному.

Бабушка так и сказала: «Тебя встретит Русланчик. Встретит и довезет. Я его попрошу, он не откажет». Лиза хотела возмутиться и объяснить, что прекрасно доберется сама, без всяких там безотказных Русланчиков. Не хватало ей еще! Но потом вспомнила про чемодан с отвалившимся колесом и про то, что поезд приходит в девять вечера. А это поздно. Это значит, что через полчаса город залиют чернильные сумерки и с каждой минутой они будут все гуще. А у Лизы астигматизм и видит она одним глазом на два метра вдаль, а вторым получше, конечно, но все равно в темноте в незнакомом месте – ой. Хоть садись, где стоишь, и жди рассвета.

В общем, стало ясно, что без Русланчика не обойтись.

Но это было ужасно. Лиза сразу представила себе, как он выглядит. Представила и затосковала. Конечно, все бывает и есть шансы, что Русланчик – неплохой парень, но Лизе точно не понравится. Как может нравиться человек с именем Руслан? Вот как? Это же почти то же самое, что... Ну ладно, не важно. Она же не Людмила. К счастью. А то все бабушкины подружки принялись бы их «женить». Наверное.

Лиза почти угадала. Парень на остановке оказался невысоким, темноволосым и каким-то не то чтобы угловатым, но явно не отличающимся ни гибкостью, ни изяществом. Он

стоял, широко расставив ноги, засунув руки в карманы короткой кожаной куртки, и смотрел даже не на Лизу, а на морось над ее головой. Это было смешно, потому что такая поза подошла бы капитану корабля, отправляющегося в кругосветку, а не мальчишке – бабушкиному соседу. Да еще и Русланчику.

– Привет! – сказал не-капитан. – Я Руслан. А ты Лиза.

Он не спросил, а произнес ее имя с утвердительной интонацией, как будто ни секунды не сомневался, что она – это она. Произнес и улыбнулся. У него была очень хорошая улыбка, Лиза даже растерялась. К человеку с такой улыбкой хотелось броситься навстречу и рассказать про все, что случилось за последние месяцы. Человек с такой улыбкой обязательно поймет правильно и придумает, как можно исправить то, что Лиза сама ни за что не исправит. И скажет: «Все будет хорошо». Вот просто скажет, и она сразу же ему поверит.

Да ну, глупости какие лезут в голову! Это просто бабушкин сосед. Руслан к тому же. А она – это она, несмотря ни на что. Ни к чему ей это все. Тем более она приняла решение.

Лиза подняла голову и улыбнулась официальной улыбкой.

Руслан отбросил челку.

– Я хотел...

И на этом слове встретил ее взгляд. И замолчал.

Лиза сама не смогла бы объяснить, что он там увидел, в ее глазах. Вроде бы она старалась никакого особого презрения по поводу и без оного не изображать.

Но Руслан что-то увидел – точно. Или почувствовал, что ли?

– Извините, – совсем другим голосом оборвал он сам себя. И улыбаться перестал. Но чемодан взял и легко заправил его в открывшиеся двери троллейбуса.

– Спасибо, – пробормотала Лиза.

Руслан пожал плечом и с тем же новым равнодушным выражением лица откатил чемодан на заднюю площадку.

Лиза как-то сразу поняла, что никакого разговора не получится. Поняла, обиделась и прикусила язык, чтоб зря не начинать. Но чем больше она его рассматривала, тем сильнее ей хотелось познакомиться. Руслан был не таким, как мальчишки в Лизином классе. Он вообще не был похож ни на кого из ее знакомых.

«А он красивый», – ни с того ни с сего подумала Лиза.

То есть, наверное, вряд ли про него так сказал бы кто-то с точки зрения классических понятий о красоте, но для Лизы это ничего не меняло. Зря она так на него посмотрела и подумала зря. Что вот ей теперь делать?

Троллейбус ехал быстро. Лиза схватилась за поручень и боялась отпустить. За окном темнело, в салоне мигали лампы, и все вокруг казалось больным и призрачным. Как в больнице, где Лиза провела этой весной две недели. Две бесконечных недели, за которые запросто можно было сойти с ума. Или поседеть. Или просто разучиться жить нормальной жизнью нормального человека.

Она никогда бы не поверила, что за две недели может так похудеть и измениться внешне. То есть меняться Лиза, наверное, начала в первую же ночь, но едва ощутимо. А перед выпиской перемены бросились в глаза.

В больнице вообще выходило на первый план главное, а остальное отваливалось, как высохшая шелуха.

Оказавшись на узкой кровати, странно поставленной не у стены, а на расстоянии сантиметров двадцати от нее, Лиза сначала была уверена, что мгновенно уснет. Она устала насквозь, до последней капли, тяжело и почти невозможно. Но вместо сна к ней пришло оцепенение, от которого хотелось подышать ртом и погрызть пальцы, а за ним – тревога, ни о чем конкретном и сразу обо всем.

Это оказалось непривычно и почти больно. Нужно было

что-то сделать, а не валяться на казенном белье и то ли думать, то ли бредить. Она же не в психушке лежала и не в неврологии, чтобы нервы вели себя вот так. Это там, наверное, уместно, а в обычном терапевтическом отделении трястись от непонятных страхов ни к чему и не с чего.

Лиза попыталась считать баранов, но те не считались. Зато вместо баранов она начала думать о людях, и ладно бы обо всех подряд – нет, только о самых-самых. Тех, из-за которых оказалась в больнице. От этого сон, если и приближался, то теперь улетел совсем далеко, и Лиза вспомнила о последнем средстве – старой-старой игре. Сначала они играли в нее с мамой (тогда мама была еще прежней и играла с Лизой), а потом Лиза одна, про себя, когда не могла успокоиться или заснуть.

Все было очень просто: лежишь с закрытыми глазами и вспоминаешь названия фильмов на каждую букву алфавита. Самые редкие, вроде Ы, конечно, пропускались, а остальные – ни-ни, даже если ни одно название не шло на ум.

Лиза закрыла глаза и осторожно поправила одеяло. Одеяло и то от усталости и бессонницы превратилось в источник тревоги. Лизе казалось, что оно обязательно свалится на пол, и тогда придется шуршать в темноте, подбирая его, а от шуршания могут проснуться соседки. Плохо же, если так.

Одеяло не свалилось. Соседка слева закашлялась, но легко, и опять наступила тишина, только шелкало в темноте что-то непонятное, как будто отсчитывал время невидимый

метроном. Время, оставшееся до. До рассвета, например, или до первого визита лечащего врача. Лиза почему-то очень боялась его. В смысле и врача, и визита. Ей не сказали даже его фамилию. Когда в приемном покое заявили со всей уверенностью, что в больницу ее положат и зря доктор из неотложки сомневался, Лизу пронзил такой внезапный и такой острый страх, что она даже забыла заплакать, а не то что спросить фамилию лечащего врача.

Товарищи дорогие! Она за свои четырнадцать лет ни разу не лежала в больнице. И в санатории не была, и даже в загородном лагере, как лучшая подруга Алиса. Только на той несчастной Алисиной даче, на которой начались все неприятности. Если сломанную жизнь кто-нибудь отважился бы назвать неприятностью.

Глава вторая. И позвони!

А все началось так красиво и так легко, что Лиза почти поверила – это судьба. Ну должна же судьба быть справедливой. Если дома у Лизы плохо, то, может быть, хоть в школе хорошо? Или не совсем в школе, а вот так – в личной жизни?

То есть поначалу ни о какой личной жизни Лиза даже не думала. У нее хватало других мыслей и дел. Не слишком веселых, прямо скажем. Нужно было ходить с мамой в магазин. И помогать ей готовить. И убирать квартиру. Лиза и раньше, конечно, помогала, но раньше ее помощь была необязатель-

ной, мама справилась бы и без нее. А теперь Лиза всерьез сомневалась, что мама справится.

Однажды Лизе было совсем тоскливо. Она проснулась в воскресенье утром и вдруг подумала, что так просто нечестно. Девчонки-одноклассницы сейчас еще спят, а когда проснутся, начнут завтракать чем-нибудь вкусным. Блинчиками, например. Или омлетом. Или творожной запеканкой с изюмом и орехами. А верх у запеканки будет золотистый, и по всей квартире запахнет ванилином и корицей. А может быть, даже немножко кардамоном. Лиза не очень любила кардамон, но его запах напоминал о праздниках и домашней выпечке. А если в доме пекут что-то вкусное, значит, там все хорошо. Никто не болеет – ну если только легкой простудой. Никто не сидит в комнате с отсутствующим видом и не пытается вязать носок.

Мама сидела и пыталась. Сначала петли соскальзывали со спиц, раз, другой, третий. Мама осторожно и неуклюже надевала их обратно, а они опять соскальзывали. Лиза бы плюнула и выбросила в мусорное ведро и спицы, и нитки. Но мама не выбрасывала. Она очень старалась, и в конце концов у нее получилось. Петли набрались, носок начал расти.

С тех пор мама чаще всего вязала. А вот завтрак приходилось готовить Лизе.

В то утро Лиза думала, что сейчас она сварит пельмени и уйдет куда-нибудь до вечера. Например, в гости. Ну и что, что никто не звал? К лучшей подруге можно и так, без при-

глашения. А можно пойти в ближайший торговый центр у метро и там побродить по магазинам. А потом зайти в кафе. И еще, например, в парикмахерскую и на маникюр. Деньги у Лизы давно лежали в старом кошельке. Не слишком много, но ей бы хватило. Это были подаренные отцом и бабушкой на день рождения деньги – их Лиза имела полное право потратить как угодно.

Пельмени расплзлись – мясо отдельно, тесто отдельно, – и есть их могли только очень выносливые люди. Такие, как мама с папой. Они и ели. И честно не замечали, что Лиза переварила пельмени минимум на полчаса. А Лиза это есть не могла. Она даже пробовать не стала. Выпила какао с молоком, съела хлебец с сыром и отпросилась до вечера.

– Я гулять. А потом – подстричься. А потом – к Алисе в гости. Да, телефон заряжен. Да, я всегда на связи. Да, в восемь точно буду дома.

Лизу отпустили. Родителям было жалко ее, наверное. А может, и себя тоже.

В торговом центре Лиза сразу почувствовала себя неудобно. Было слишком рано, магазины только открылись, и заходить в них не хотелось. Сомнительное удовольствие – бродить одной среди вешалок с одеждой и витрин с бижутерией под недовольными взглядами невыспавшихся продавщиц. Очень на любителя.

Лиза прошла мимо секций с платьями, пальто и обувью и почти ткнулась лбом в прозрачную стену с высокими стел-

лажами с той стороны. К счастью, все-таки не ткнулась, а вовремя остановилась и сообразила, что пришла к книжному магазину. Большому, с несколькими залами, игровой комнатой и диванчиками, чтоб можно было посмотреть книги или просто отдохнуть. Лиза когда-то заходила сюда и вспомнила, что магазин работает двадцать четыре часа в сутки и что там продавцов присутствие Лизы не смутит и не привлечет внимания. Им будет все равно.

Лиза зашла в отдел художественной литературы и начала рассматривать стеллаж за стеллажом. Ей больше всего нравились книжки про любовь. Нет, не дурацкие истории, в которых бедная, но прекрасная девица, продав дом за долги родителей, приезжала в незнакомую местность и там встречала мрачного красавца, который через пару страниц спасал ее собачку от неминуемой гибели, а еще через пару страниц – от такой же гибели и ее саму. Ну и потом еще девица могла вылечить его от тяжелой болезни. И выйти замуж. Выйти замуж – непременно. А Лизе про замуж было не интересно. Ей нравилось читать про девчонок – таких, как она.

Книжки про обычных девчонок тоже, к счастью, попадались не очень редко. И Лиза встала около стеллажа, чтобы посмотреть повнимательней. А потом выбрать и прочитать по несколько страниц из каждой. Этого Лизе обычно хватало, чтобы решить – интересна ей книжка или нет.

Она вытащила одну в обложке с белым корешком и села на специальный диванчик. На обложке Лиза увидела кар-

тинку: темноволосый мальчик на катере и рыжая девчонка на берегу. У мальчика были синие глаза, и он так улыбался, что у Лизы замерло что-то внутри. А потом отмерло, и она вдруг подумала, что он на кого-то похож.

Лиза еще немножко посмотрела на обложку, и ее осенило. Мальчик не то чтобы как две капли воды, но все же достаточно сильно напоминал Антона из параллельного класса. Лиза знала его не очень хорошо – вернее, почти совсем не знала. Он перевелся к ним в школу недавно из какой-то гимназии, но сразу нашел себе компанию и всегда ходил в окружении и мальчишек, и девчонок. Девчонки прямо в глаза ему заглядывали и ловили каждое слово. Ни стыда ни совести!

Лиза подумала, что если бы встретилась с этим Антоном один на один, то, может быть, он бы ей и понравился. Потому что симпатичный. Да что там – красивый. И высокий. И не толстый совсем. А запястья узкие, как у девчонки, и пальцы длинные и тонкие. И еще глаза – может, и не совсем синие, как в книжке, но все равно – на такие посмотришь и сразу точно не забудешь. Не зря же за этим Антоном бегают столько одноклассниц. Но шансов на такую встречу практически нет. Да и не надо. Лиза прекрасно обойдется без всех мальчишек, вместе взятых. И без каждого в отдельности тоже.

– Девочки читают про любовь. Кто бы сомневался?

От этих слов, прозвучавших за спиной, Лиза вздрогнула и чуть не уронила книжку. Только этого ей не хватало – чтобы за ней подсматривали и комментировали, что она тут читает.

Лиза перехватила книжку, чтобы не упала, и обернулась.

За спинкой ее диванчика стоял Илья Кольцовский – одноклассник Антона. Но вот как раз его, в отличие от Антона, Лиза знала неплохо. Во-первых, потому, что в одной параллели они учились с первого класса. А во-вторых, Илье явно нравилась Алиса. И он это не просто не скрывал. Он каждый раз пытался продемонстрировать свои чувства с энтузиазмом героя старой комедии, в которой перемешаны романтические эпизоды и юмор абсурда.

– Привет! – сказала Лиза.

Она не очень понимала, как с Ильей общаться здесь. Как со старым знакомым? Но вдруг он решит, что она с ним кокетничает? Или просто поздороваться и уйти? Вернее, пусть он сам уходит, вот что. Лиза собиралась провести в книжном еще час как минимум.

– Привет, – улыбнулся Илья. – А чего ты тут одна?

Улыбка у него была ироническая. Или Лизе показалось?

– А ты типа втроем? – ехидно начала она и выразительно посмотрела Илье за спину. Как будто пыталась рассмотреть его спутников.

Илья усмехнулся:

– Да нас вообще много.

– Вас миллионы?

Когда-то этот вопрос задавал папа, и у Лизы его выражение сейчас вырвалось само. Она не раз замечала, что так бывает: слышишь сто раз какую-нибудь присказку или погово-

рочку, надоедает она тебе до смерти, раздражает и почти бесит. А потом р-раз – и сама ее выдаешь. Внезапно для себя.

– Да не, – покачал головой Илья. – Поменьше. Можешь сама посчитать.

Лиза поняла, что он вовсе не разозлился на ее иронию. Он вроде бы, наоборот, зовет ее куда-то. И собственно, почему бы ей не пойти? Делать все равно нечего. А в книжный можно вернуться в любой момент.

– И далеко идти? – осторожно спросила Лиза.

Она не хотела, чтобы Илья подумал, что она по первому зову готова лететь куда угодно. Еще не хватало!

– К входу в метро. Все там.

– Все там, а ты тут? – не удержалась Лиза.

– Ну да. Мне просто на телефон надо денежку кинуть.

Лиза вспомнила, что рядом с книжным и в самом деле есть очень удобный терминал, в котором можно было заплатить за мобильник без комиссии.

– А так-то мы на квартирник, – продолжил объяснять Илья. – Хочешь, поехали с нами?

Лиза слегка опешила. На квартирник – это в сто раз круче, чем мотаться по торговому комплексу. Но ехать туда с Ильей – это же как-то не очень? По отношению к Алисе?

– А если одна боишься, Алисе позвони, – подсказал Илья.

И такое у него при этом было равнодушное лицо, что Лиза сразу же поняла, из-за чего вообще ее позвали на тот квартирник. Вернее, из-за кого.

Сначала она хотела возмутиться, а потом подумала: «Ну и что? Что в этом плохого?»

– А ведь позвоню, – кивнула Лиза.

– И позвони! – поддержал Илья.

В глазах у него появились хулиганские огоньки. Вот ведь чудеса – только что не было.

И Лиза не стала больше ни о чем спрашивать, а позвонила.

Глава третья. Я никогда не расскажу

Алиса примчалась через пятнадцать минут. Ресницы были покрашены в мутную синеву, джинсы – затянуты серебристым ремнем, капюшон развевался, напоминая американский флаг. А может, и австралийский. Или вообще не флаг, а прическу марсианского неформала.

– Чего с утра-то? – спросила она шепотом у Лизы, когда вся компания утрамбовалась в вагон метро.

– А я знаю? – фыркнула Лиза. – Я же случайно с ними-то.

Она еще по телефону объяснила Алисе, как Илья обнаружил ее под книжным стеллажом и позвал. Причем понятно же, что позвал только из-за Алисы. Но Алиса все-таки легко не сдалась и делала вид, что не верит. Вопреки всякой логике, кстати.

Оказалось, что ехать придется на другой конец города. Зато по одной ветке и пересаживаться уже не нужно. Времени было достаточно не только на то, чтобы обсудить с Алисой

все возможные и невозможные подробности поездки, но и еще на тысячу дел. Тем более что к Алисе, дождавшись свободного места рядом, подсел Илья.

Он что-то рассказывал, не закрывая рта. Алиса слушала сперва настороженно, потом с улыбкой, а дальше уже начала хохотать почти неприлично.

Лиза подумала, что ей бы тоже не помешало развеселиться, хоть капельку. Но Илью она не слышала из-за шума поезда, а к ней персонально никто подсаживаться не собирался. Ни чтобы рассмешить, ни с какой другой целью. И тогда Лиза начала развлекаться сама, рассматривая мальчишек и девочек из компании, в которую Илья их позвал.

Девчонок там было мало. То есть без Лизы и Алисы всего две. Обе учились в параллельном классе. Одну звали Мила, и у нее были очень странные серьги. Как будто набранные из бисера, но на самом деле это был вовсе не бисер, а фигурные проволочки. Лизе эти серьги понравились еще сто лет назад, когда она их увидела в первый раз. Она даже хотела подойти и спросить, где такие продаются, но потом не стала. У нее как раз заболела мама, и все девчачьи развлечения и проблемы отошли не на второй, а на сто второй план.

Мила свои серьги носила каждый день. Наверное, ей они тоже нравились всерьез.

Вторая девочка была Мишиной подругой. Ее имени Лиза не знала, потому что она пришла в их школу недавно. Почти одновременно с Антоном.

Вспомнив про Антона, Лиза совсем загрустила. Вот сидит она сейчас в метро, едет с ребятами из его класса на какой-то квартирник, а его с ними нет. А ведь мог быть, запросто мог.

– Выходим! – объявил Илья, и все потихоньку потянулись к дверям.

На эскалаторе он оторвался от Алисы, и та вернулась к Лизе.

– Ну послушаем-послушаем, – проворчала Алиса, поправляя Лизе шарф.

Она то и дело ей что-нибудь поправляла, как будто Лиза была несмышленным ребенком, а Алиса – умудренной жизненным опытом тетушкой. Иногда это Лизу смешило, иногда бесило, а иногда ей было все равно. Как сегодня. Она даже не стала спрашивать, что там с шарфом не так. И вынимать из сумки зеркальце не стала.

– Кого слушаем? – спросила Лиза.

Это было интереснее шарфа, по-любому.

– А ты не знаешь, что ли? – изумилась Алиса. – Сама звала, а сама не в курсе?

– Ага.

– Так Антон же будет петь! Антон и его группа.

У Лизы аж рот открылся.

– Та-ак, – протянула Алиса понимающе. – Ты и про группу не знаешь?

– А что я должна знать?

– Ну что все. Хотя бы. Там гитарист, ударник и, хм, кла-

вишница. Она же солистка.

Лиза дернула плечом.

– Мне-то какая разница?

– А, ну раз никакой, то ладно. Тогда не буду рассказывать.

– О чем?

– Ну что у Антона был роман с этой солисткой. А потом она его послала. Или он ее. Никто точно не знает. В общем, разбежались и у них чуть группа не развалилась. Но группу им стало жалко – все-таки три года вместе. Ну и они решили остаться друзьями. Как-то так.

– А ты-то откуда все это знаешь? – не поняла Лиза. – Илья сейчас рассказал?

– Ну ты что? Илья сплетни не разносит. Просто ты во вконтактке не сидишь. А я сижу. Вот и весь секрет.

– А кто играть будет – тоже знаешь из вконтактика?

– Это нет. Это от Ильи, – рассмеялась Алиса. – Хотя если бы там посмотрела, наверняка бы нашла и кто, и где, и во сколько.

– Слушай, но это что получается? Антон ездит к нам в школу через весь город? Ужас!

– Да нет. Он живет в соседнем дворе. А это квартира его бабушки. Бабушка уехала в санаторий. А внучок цветочки поливает. И заодно все остальное.

– Поливает? – удивилась Лиза. – Чем?

– Ну ты даешь! – фыркнула Алиса. – Брызгами славы. Шу-чу, не парься. Все остальное – в смысле вот... квартирник

устроил.

– А соседи? – задала Лиза давно беспокоивший ее вопрос.

– Так поэтому и утром – в смысле днем. А не вечером. Чтобы соседи особо не возмущались. Днем же можно. Вроде бы.

Лиза прижала ладони к щекам и осторожно посмотрела на импровизированную сцену. То есть в тот угол комнаты, где за синтезатором сидел Антон и еще двое парней. Один – с гитарой, второй – за небольшой, но настоящей ударной установкой.

А перед ними на высокой круглой табуретке устроилась девчонка. Честно сказать – девчонка потрясающей красоты. У нее были светлые и, судя по всему, свои, а не крашенные волосы, большие глаза и аккуратный прямой нос. И это бы все ладно. Мало ли Лиза видела хороших. Но у этой солистки-клавишницы лицо было умным и в то же время невинным, как у маленького ребенка. Такие лица бывают на старинных картинах. Или у самых лучших актрис, не просто красивых, а по-настоящему талантливых. К тому же и одета девчонка была очень просто, стильно, но понятно же, что дорого. Лизе никогда не покупали ни таких джинсов, ни футболок. В которых вроде бы ничего особенного, но они сидят на человеке как вторая кожа, и кажется, что если идеальная форма существует, то вот она.

Девчонка махнула тонкой рукой и запела. Запела просто так, не дожидаясь ни музыки, ни даже тишины.

Песня была незнакомая и сначала показалась Лизе немного странной, но уже на второй половине куплета она почувствовала почти счастье. Потому, что сидит здесь, с Алисой и остальными ребятами, а не болтается одна по торговому центру. И что совсем близко находится Антон. И что сейчас он начнет играть. Играть для всех, но и для нее – Лизы – тоже. А еще потому, что у поющей девчонки был очень высокий, звонкий, но совсем не грустный голос. И она пела как раз про счастье. Пела и выразительно смотрела на гитариста, который уже аккомпанировал ей, легко, ненавязчиво и абсолютно уместно.

Антон вступил на следующем куплете, и Лиза впервые услышала его игру. И голос тоже. Потому что он, в отличие от остальных музыкантов, не только подыгрывал поющей девчонке, он пел с ней. Сначала потихоньку, будто бэк-вокал, потом все увереннее, громче, и в конце концов они запели на два голоса, всерьез.

Это было очень круто. Лиза еле смогла сдержать слезы. И в то же время давно она не чувствовала себя так легко.

Ребята допели и почти сразу начали следующую песню. Эта была быстрой, ритмичной, под нее хотелось вскочить и прыгать, размахивая руками и ногами. И подпевать. И хлопать, выбивая ладонями четкий ритм. Собственно, все и за-

хлопали. Лиза сначала стеснялась, а потом поняла – нечего. Нет в этом ни капли ни стыдного, ни плохого.

А потом Антон прочитал стихи. Может быть, они были не такими, как пишут поэты, но, во-первых, читал он очень выразительно, а во-вторых, стихи про любовь Лизе нравились всегда. Любые. А сейчас ей даже стало холодно, когда Антон дочитал последние строчки:

Я никогда не расскажу

О том, чем было это лето.

Лиза закуталась в кофту, а ладони спрятала в рукава. Хотя совсем недавно ей казалось, что в комнате жарко, и у нее даже щеки загорелись. Правда, щеки, кажется, пылали и сейчас.

После стихов концерт прервался и ребята разошлись кто куда. На кухне шумел чайник. Кто-то то и дело хлопал входной дверью. Алиса пересела на диван к окну и что-то рассказывала Илье, размахивая руками. Судя по жестам, это была душераздирающая история то ли про новый шарф, то ли про маньяка-душителя. С Алисой точно никогда не угадаешь.

Лиза встала со стула и хотела немножко пройтись. Ну не сидеть же весь перерыв на одном месте. Она решила, что дойдет до кухни и посмотрит – может, удастся раздобыть чашку чая.

Чай ей налили без вопросов и даже показали, где чайные

ложки и где коробка сахара. Вернее, две коробки. В одной белели обычные кубики рафинада, в другой россыпью лежали коричневые шарики.

Лиза аккуратно вытащила два коричневых, остро пахнущих корицей шарика и бросила в чашку. Запах усилился.

– Тоже любишь с корицей?

Лиза кивнула и только потом оглянулась. Рядом с ней, красиво облокотившись на стол, стоял Антон. Смотрел и улыбался. Не так, как обычно, а только ей – Лизе. У Лизы дрогнули пальцы, и она чуть не выронила чашку.

– Поставь! – велел Антон.

Лиза послушно опустила чашку на стол. Антон вынул откуда-то из ящика маленький поднос.

– Давай сюда. Я отнесу. Тебе в комнату?

Лиза кивнула и сразу же подумала, что совсем не хочет в комнату. Она хочет остаться здесь – с Антоном. Но он уже нес чашку на подносите с грацией опытного официанта.

– Спасибо, – сказала Лиза в комнате. – Я бы точно разлила.

– Ну, – усмехнулся Антон, – мастерство не пропьешь! Я в прошлом году весь июнь в кафе работал.

– А разве в нашем возрасте берут в кафе? – удивилась Лиза.

– Конечно. И берут, и приглашают, и чего только не делают. Тебе же четырнадцать есть?

– Есть.

– Паспорт получила?

– Получила.

– Если родители не возражают, без проблем устроишься.

Хотя тебе, наверное, лучше поискать другую работу. Ты вон с одной чашкой как. А там знаешь сколько?

Лиза слегка обиделась. Она чуть не уронила чашку вовсе не потому, что неуклюжая.

Антон заметил.

– Да не обижайся ты! Тоже, нашла хорошую работу! Мы-то почему туда устроились? Потому что по вечерам выступали.

– В кафе?

– Ну да. Это пляжное кафе было. Со сценой прямо на улице. И видом на залив. Так-то там нормально. Только ломало с непривычки каждый день с подносами носиться.

Лиза кивнула и начала придумывать, о чем бы еще спросить. А то ведь уйдет сейчас, а она даже двух слов связно не сказала. Зато чуть чашку не опрокинула. Это ей, прямо скажем, в плюс и в зачет. Ничего умного, как назло, не придумывалось, и она спросила о самом очевидном:

– А у вас давно группа?

– Давно. Три года уже.

– А кто вам тексты пишет?

Лизе хотелось еще поговорить с Антоном, но она чувствовала, что нельзя же так в него вцепляться и не отпускать. Ну пусть в переносном смысле – все равно.

– Я пишу, – ответил Антон. – Марина пишет. А музыку – чаще всего Егор. Который с гитарой – ты поняла, да?

Лиза кивнула.

– Но я тоже музыку могу, – улыбнулся Антон. – Вот сейчас мою песню услышишь.

Перерыв закончился. Слушатели вернулись на свои места, и музыканты вернулись. Только Антон застрял около Лизы. Ей было приятно и чуть-чуть тревожно. На них поглядывали с интересом, но никто ничего не говорил. И Антона не торопили, чтобы возвращался к синтезатору. Но он сам понял, что пора.

– Если тебе интересно, найди меня в ВК, – сказал Лизе, вставая со стула. – Там все наши альбомы. Прямо по годам.

– Конечно, – кивнула Лиза.

Глава четвертая. Но теперь-то нравится?

Они еще играли, но новые песни понравились Лизе меньше. А может, она просто устала. Ну или ждала, когда все закончится и Антон подойдет к ней. Зря ждала. Он не подошел. Проводил всех, стоя у порога и одинаково целуя девчонок в щеку. От прикосновения его губ Лиза замерла и чуть было не всхлипнула. Вот был бы позор! Но все обошлось.

Илья довез их с Алисой до метро, а там вежливо распросался. Ему нужно было в какой-то магазин, а девчонкам хотелось домой. То есть Лизе не очень-то и хотелось, но уже

точно было нужно.

– А Илья смешной, – сказала Алиса, когда они с Лизой остались вдвоем. – Думает, что я не вижу, как ему нравлюсь.

– А ты видишь? – удивилась Лиза.

– А ты типа не видишь, когда кому-то нравишься?

– Не вижу.

– Так не бывает, – покачала головой Алиса. – Просто ты сейчас никому, наверное, не нравишься. Вот и не видишь. Нечего потому что.

Лизу как будто током ударило. Ах вот, значит, что думает про нее лучшая подруга! Которая, между прочим, видела, как Лиза разговаривает с Антоном. То есть со стороны было ясно, что она ему не нравится? Это Лиза сдуру не поняла?

– Ну ничего, – утешила Алиса. – Найдем мы тебе кавалера. Не в нашем классе, так в параллельном. Кстати! А тебе самой кто-нибудь нравится?

– Нет! – быстро и уверенно ответила Лиза.

И покраснела.

Алиса посмотрела на нее внимательно. И конечно, заметила и румянец, и дурацкую улыбку, и то, как глаза бегают.

– Та-ак! – протянула она. – Интересно.

И сразу же догадалась:

– Антон, да? Антон?

Лиза помотала головой.

– Да ладно, – махнула рукой Алиса. – Я ж тебя с детского сада знаю. Мне-то можешь не врать, все равно не получится.

Но ты влипла, конечно.

Лиза хотела не отвечать, но не удержалась:

– Чего это – влипла?

Алиса закатила глаза:

– Ну ты что? Он такой – ой! Музыкант же. С ним с ума сойдешь. Вокруг него девчонок – считать замучишься.

– Да не буду я их считать!

Алиса кивнула:

– Ну да. С этим справится он сам.

Лиза набрала побольше воздуха:

– Думаешь, без шансов?

– Ну почему? Шанс есть всегда. Вопрос – шанс на что.

– Но Антон мне не нравится. Я просто шучу. Так что никакие шансы не нужны!

...Лиза включила ноутбук и зашла на свою страницу во «ВКонтакте». Она не слишком интересовалась тем, что там происходило в последнее время. Ну девчонки обсуждали новые наряды, но они про них и в реале точно так же говорили. Ну у кого-то родители взяли путевки на море. Так до каникул еще ой сколько. Даже завидовать не хотелось. Ну позвали Тарасенкову в кафе, так тоже скучно. В кафе ходить нужно, а не читать про то, как другие ходят.

Но сегодня у Лизы был интерес. Особенный.

Сперва она надеялась, что Антон сам прислал ей заявку в друзья, но ничего такого не обнаружила.

Ну и ладно. Он же позвал ее заходить. Вот она и зашла.

Ничего личного, просто песни послушать. А в друзья можно добавиться просто для удобства, чтобы не пользоваться каждый раз поиском.

Ну и добавилась. И Антон принял ее заявку мгновенно. А на его странице Лиза нашла много-много песен и слушала их почти до ночи. Пел Антон очень здорово. И играл на синтезаторе. То есть они все очень круто играли. А иногда Лиза слышала голос Марины, и ей становилось немножко не по себе. Не то чтобы она ревновала. Нет. Или почти нет. Но ей было странно, что эта девчонка променяла такого красивого, талантливую и вообще удивительного Антона на самого обычного гитариста. Ну по крайней мере, выглядел гитарист как все. Ничего особенного. А Антон сразу же выделялся в толпе. А может, это не она променяла? Может, Антон ее бросил? Но тоже странно. Как ни крути, а Марина выглядела потрясающе и голос у нее был как у настоящей певицы. В общем, вряд ли кто-то из знакомых Лизы мог составить ей конкуренцию. И Лиза, конечно, тоже. Чего себе-то врать? И все-таки Антон и Марина расстались. Вернее, не так. Антон и Марина остались друзьями. Это, кстати, еще труднее. Не поссориться, не наговорить друг другу гадостей, а общаться и заниматься одним делом по-прежнему.

Лиза ни на секунду не верила, что можно расстаться с любимым человеком и не страдать. Даже если сама его разлюбила. Ведь это происходит не за один миг и даже не за неделю, наверное. Или как? Раз – любила, два – прошло? Ой,

с трудом верится. Скорее всего, что-то должно произойти. Что-то плохое, из-за чего ты сначала разочаруешься в человеке, а потом постепенно и чувство начнет проходить. Пока не пройдет все.

Это были не слишком спокойные и приятные мысли, но зато в Лизиной жизни точно появилось что-то новое. И скорее – со знаком плюс, чем со знаком минус. Новый друг во «ВКонтакте», новая компания, новые песни. И может быть, даже новая любовь. Кто знает?

Уже в кровати Лиза почувствовала себя спокойно и легко. В первый раз с тех пор, как заболела мама.

В школе она встретила Антона в понедельник, прямо с утра. Он как будто нарочно стоял на нижней ступеньке лестницы и встречал всех приходивших. И ее тоже встретил.

– Привет! – сказала Лиза и осторожно улыбнулась.

– Привет, – ответил он, и в тот же момент у него зазвонил мобильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.